
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

П.С. Гуревич

ВЕЛИЧИЕ И БЕСЦЕННОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Значение гуманитарного знания

Много лет назад я по заданию Министерства образования был направлен в Японию, чтобы изучить учебные планы Института дорожного строительства. В то время я заведовал кафедрой культурологии в институте, который готовил инженеров, проектирующих мосты. Неожиданно оказалось, что японские студенты в течение целого года изучают живопись эпохи Возрождения. Разумеется, я поинтересовался, зачем строителям дорог и мостов столь углубленное изучение живописи. Ответ, вообще говоря, был едва ли предсказуем:

– Если не развивать творческое воображение инженера, он научится строить только один мост и одну дорогу.

Никогда в истории не было так много элит, обремененных столь большим объемом знаний. Обладание знаниями, их использование и проверка стали главной заботой, оценкой мастерства и лейтмотивом деятельности элит. Однако, по мнению известного ученого и публициста Джона Сола, сила элит зависит не от эффективности этих знаний, а от того, как она используется и контролируется¹. Сол считал, что главное заблуждение современной цивили-

¹ Сол Д.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – С. 13.

лизации заключается в ее абсолютной уверенности в том, что решение всех наших проблем состоит в точном применении рационально организованной экспертизы.

Однако именно использование экспертизы, по мнению Сола, как раз и провоцирует множество мучительных проблем. Действительно, убеждение в том, что мы создали самое усовершенствованное общество в истории человечества, – всего лишь иллюзия. На самом деле фрагментация знаний, разделение его на разные узкие сферы устраняют всеобщее понимание. Знание дробится, в результате обнаруживается феномен, который К. Маркс назвал «профессиональным кретинизмом».

На протяжении XIX и XX вв. точные науки постоянно сравнивают с гуманитарными, т.е. с человековедческими. В XIX и начале XX в. пальма первенства неизменно принадлежала так называемым конкретным наукам. Это было связано с тем, что естественные дисциплины (физика, химия, биология, астрономия) подарили человечеству внушительные открытия, которые позволили людям изменить собственную жизнь. Когда же речь заходила о постижении человека, человечества, общества, культуры, человеческого духа, то складывалось впечатление, будто гуманитарные науки менее важны для социальной динамики, чем, скажем, науки естественные и технические: физика, химия, математика, механика, биология и т.д. Считалось, что гуманитарные науки не всегда конкретны и доказательны, а потому не могут дать достоверные знания.

Однако в последние десятилетия ситуация меняется. Нередко ученые и широкие слои населения отдают предпочтение гуманитарным наукам. Во многих городах сейчас созданы гуманитарные университеты. Анализ обширной философской, культурологической и художественной литературы показывает, что феномен гуманитарной культуры исследован мало. Даже само это понятие встречается крайне редко. Между тем гуманитарно-культурные ценности необходимы для человеческого рода, общества и отдельного человека. Общеизвестно, что проблема возникновения духовной культуры крайне сложна и недостаточно разработана.

Гуманитарное знание имеет дело с человеком, его ценностями, смыслами, которым люди придают особое значение. Здесь велика роль не только сознания, но и интуиции. Огромное значение в этом комплексе знаний имеет «авантюра мысли», творческое воображение. Однако это вовсе не означает, будто выводы гумани-

тарных наук менее ценны. Точное знание требует окончательных положений и доказательств. Гуманитарное знание предполагает строгость рассуждения, но оно не всегда имеет форму закона, теоремы или аксиомы. Иначе невозможно проникнуть в сокровенный мир человека.

Когда мы изучаем общество, культуру, осмысливаем их особенности и тенденции, приходится сразу признать, что законы природы, которые кажутся универсальными, здесь имеют ограниченное применение. Мы тотчас же обнаруживаем фундаментальное различие между конкретными науками и гуманитарным знанием. Естественные законы выражают постоянную взаимосвязь и регулярность природных феноменов. Они не могут быть созданы. Один безумец сказал: «Я – автор сорока законов природы». Это, разумеется, откровение сумасшедшего. Природные законы нельзя придумать или нарушить. Они не творятся, а открываются в их истинной природе.

Общественные законы носят принципиально иной характер. Они обусловлены человеческой активностью. В своей деятельности, в своем общении люди руководствуются целями, которые они пытаются реализовать. У человека есть потребности, которые он стремится удовлетворить. Он руководствуется собственными жизненными и практическими установками. Ориентиры человека на протяжении жизни постоянно меняются. Они могут быть нарушены. Их можно преобразовать, отменить. В обществе нередко возникает непредсказуемое развитие событий.

Многие феномены общественной жизни вообще нельзя понять, исходя из природных предпосылок. Например, согласно природе, женщина призвана продлить человеческий род. Других предназначений у нее нет. А в обществе женщина может осуществить свои социальные мечты – стать ученым, политиком, военным, наравне с мужчиной участвовать в созидании общества. Кроме того, как, опираясь, например, на физику или биологию, можно осознать смысл жизни или смысл существования мира? Тут нужно прежде всего обратиться к человеческим предпочтениям, к тем нормам, которые возникают в социальной жизни.

Прочтем внимательно строки, написанные немецким социологом и историком Максом Вебером: «Кто сегодня, кроме некоторых “взрослых” детей, которых можно встретить как раз среди естествоиспытателей, еще верит в то, что знание астрономии, биологии, физики или химии может – хоть в малейшей степени – объяснить

нам смысл мира или хотя бы указать, на каком пути можно напасть на след этого “смысла”, если он существует? Если наука что и может сделать, так это скорее убить веру в то, будто вообще существует нечто такое, как “смысл” мира»¹.

Не случайно Л.Н. Толстой отмечал ограниченность естественной науки. Да, она принесла неоспоримую пользу человечеству, открыла невиданные горизонты. Но она не дает никакого ответа на важные для нас вопросы: «Что нам делать?», «Как нам жить?» Вот почему еще в прошлом веке исследователи пытались установить различия между науками о природе и «науками о духе» (так назывались все науки, занимавшиеся изучением творений человеческого духа и таких сфер культуры, как искусство, религия, государство, экономика, право и т.д.).

Хотя ученые давно осознавали различие между науками о природе и науками о человеческом духе, некоторые мыслители все же, изучая общество, опирались на законы природы. Они считали, что общественная жизнь имеет естественный характер и что социальные процессы можно понять по аналогии с природными. Так, например, еще в античной философии возникла теория «естественного права». Предполагалось, что право существует уже в природе, заложено в самой сущности человека. Естественное право для всех одинаково, т.е. независимо от времени и места. Оно также неизменно. Скажем, право распоряжаться своей собственностью, вести войны, строить государство обусловлено природой. Иначе говоря, все люди, уже по тайне своего рождения, обладают такими способностями и правами.

В науках о природе ценность закона связана с его общезначимостью. Химическая формула воды справедлива и для Северного полушария, и для Южного, и для созвездия Центавра. В гуманитарных науках выявленные закономерности не обладают такой безоговорочной применимостью. В своеобразных условиях той или иной культуры определенные тенденции могут получить специфическую направленность.

Изучение природных законов позволяет предвидеть развитие тех или иных естественных явлений. Уже древние астрономы называли время, когда наступит затмение солнца или наводнение. Но разве люди не пытаются заглянуть в свое будущее? Можно, к примеру, рассчитать продолжительность того или иного экономи-

¹ Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 717–718.

ческого цикла, но не исключено, что ход событий будет разрушен каким-то непредвиденным фактором. Разумеется, мы раздумываем о грядущем и хотим предугадать его. Но это зачастую носит характер возможных «сценариев». Никто не думает, будто развитие общества обязательно примет такой и только такой характер. Ведь в обществе живут люди. Их сознание и воля могут изменить любую предопределенность будущего. Множество случайных факторов способно обусловить развитие не по «сценарию».

Есть еще одно отличие естественных наук от гуманитарных. Общественное развитие во многом обусловлено расширением человеческого знания. Но разве мы можем предугадать, какие теоретические открытия будут сделаны в будущем? В эпоху ветряных мельниц никто не мог предположить, какое огромное влияние на жизнь людей окажет, например, компьютер. Метод социального познания вовсе не предполагает, будто обществовед станет излагать окончательные истины, безупречные схемы и теоремы. Здесь важно научить человека мыслить, оценивать, постигать целостность бытия в его уникальном образе.

Многие ученые утверждают, что мораль, религия и искусство возникли в период верхнего палеолита (40–20 тыс. лет до н.э.), когда жили кроманьонцы. «Лишь за семь или восемь тысячелетий нам брезжит первый свет и слышны первые смутные шорохи; а позади, в глубине веков, – сумерки и безмолвие, – отмечает русский философ М. Гершензон. – Но там люди желали и мыслили так же, как и мы, и в многократный срок развития, предшествовавший нашей культуре, был добыт весь существенный опыт человечества. К тем познаниям позже ничего не прибавилось, так как неизменен издревле и поныне телесный состав человека. Первобытная мудрость содержала в себе все религии и всю науку. Она была как мутный поток протоплазмы, кишаций жизнями, как кудель, откуда человек до скончания времен будет прясть нити своего раздельного знания»¹.

Богатство культуры, накопленное человечеством за многие века, неисчерпаемо, оно ждет еще своего осмысления. В гуманитарно-культурном наследии Древнего мира, социально-философской мысли Индии, Китая, Греции и Рима можно отыскать глубокие раз-

¹ Гершензон М. Гольфстрем // Лики культуры: Альманах. – М.: Юристъ, 1995. – Т. 1. – С. 7.

мышления о человеке, о смысле жизни, о высших ценностях, роли философии, морали, права, религии, искусства, педагогики и риторики в жизни людей. Древний мир оставил нам великолепные исторические памятники, интересные философские и исторические труды, произведения искусства, мифы и легенды, скульптуры, архитектурные сооружения, «семь чудес света» и пр.

Значение гуманитарного знания, безусловно, велико. Оно многолико и многообразно. Но что оно представляет собой? Гуманитарная культура – это всеобъемлющее, «сквозное» явление, оно присутствует в разных сферах общественной жизни. Гуманитарное знание непосредственно включает в себя философию, обществознание, человековедение, право, мораль, искусство, мифологию, педагогику, филологию, гуманитарное образование, просвещение и воспитание.

Тем не менее как только в западных странах утвердилась технократическая идеология, так сразу гуманитарные предметы были признаны враждебными разуму. Была также предпринята серьезная попытка, трансформируя раздел за разделом, включить их в сферу точных наук. Так, архитектура стала наукой количественных измерений, где отдельные детали технологически формируют целое здание. Даже история искусств была превращена из суммы знаний о красоте и ремесле в математическое осознание творчества. Новые историки искусства озабочены не столько искусством или историей, сколько эволюцией технических приемов. Общественные науки, без сомнения, являются самым показательным примером того, как деформируются гуманитарные знания. Те, кто придет после нас, вероятно, будут воспринимать сужение политических, экономических, социальных знаний и искусства до математических оценок и неясного, герметически замкнутого словаря для их описания как одну из величайших глупостей нашей цивилизации.

Узколобая технократическая идеология теперь нашла признание и в нашей стране. За последние десятилетия чиновная власть в России неоднократно выступала против гуманитарного знания. Шли и продолжают атаки на философию, историю, культурологию. Недавно министр образования и науки Д. Ливанов торжественно, как радостную новость, объявил, что скоро аспиранты не будут сдавать кандидатский минимум по философии. Чиновники убеждены в том, что таким образом молодые ученые будут зани-

маться непосредственно собственной темой и гораздо быстрее делают крупные открытия. Решение министерства, по сути дела, устраняет философию из сферы образования и науки.

Философия

Далеко не во все эпохи отношение к философии было идеально позитивным. В 1850 г. министр просвещения России князь П.А. Ширинский-Шихматов поставил вопрос о том, что «польза философии не доказана, а вред возможен». По настоянию министра были закрыты многие кафедры истории философии и метафизики. Преподавание логики и психологии было возложено на профессоров богословия. Позже, в ходе реформ Александра II, философия была восстановлена в своих правах.

«Поистине трагично положение философа»¹. Это слова Николая Александровича Бердяева. «На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии и притом с самых разнообразных сторон. Философия есть самая незащищенная сторона культуры»². Последняя фраза просто великолепна по отточенности формулировки.

Религия обслуживает запросы духа. Человек обращает свой взор к Богу, когда испытывает жуткие муки одиночества, страх перед смертью, напряжение душевной жизни. Мистика чарует возможностями глубинного обостренного богообщения. Она дарит надежду на чудо. Наука демонстрирует неоспоримые успехи познающего ума. Будучи опорой цивилизации, она не только разъясняет одухотворяющие истины, но и обустривает людей, продлевает им жизнь.

В наши дни вновь ставится вопрос: зачем, скажем, естествовникам сдавать кандидатский минимум по философии? Пусть лучше гоняются за элементарной частицей в своем синхрофазотроне. Спросим, однако, много ли выиграла страна, в которой на долгие годы и десятилетия была запрещена философская антропология? Антропологизм как тип мышления получил ярлык «абстрактный». Человека объявили простым слепком общественных отношений.

¹ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 230.

² Там же.

Во всем мире – антропологический бум, ренессанс знания о человеке. У нас – зачастую гуманистическая риторика, бессодержательные заклинания политических партий об учете человеческого фактора.

В июле 1999 г. три доктора физико-математических наук В.В. Низовцев, Ю.Н. Любитов и В.С. Мурзин, выступив в «НГ-науке», объявили, что науку движет эксперимент. Если нет возможности измерить, просчитать, разглядеть, то нечего и теоретизировать. Научная методология, утверждали авторы, основана на проверках и перепроверках результатов, тщательном анализе тех условий, которые нужны для постановки экспериментов. Все это отшлифовало научный подход и превратило физику и другие «точные» науки в уникальный и всеохватный инструмент познания мира¹.

Авторы вразумляют: научное высказывание любого физика проходит многократную проверку... А философы способны только задержать развитие науки. Изучение философии приводит к печальным результатам. «Древние греки, – пишут авторы, – много внимания посвятившие философии, когда начинали с ответа на вопрос (имеется в виду “а что это такое?” – П.Г.) (...) не позволяли себе сделать следующий шаг, пока не будет определен предмет исследования. Поэтому они успешно занимались геометрией и математикой, но на много сотен лет затормозили развитие науки физики. У них были гениальные догадки, но они бы могли продвигнуться значительно дальше, если бы не ложная методологическая установка – “философия впереди физики”»².

Бедные, наивные греки! Вместо того чтобы измерять массу и заряд, они мучительно размышляли над тем, а что это такое? Поздно, поздно, оказывается, спохватились эллины. Но если бы древние греки, оставив свою любовь к мудрости, собирали бы минералы, дробя, разогревая или охлаждая их, если бы они занимались только опытами, наука как специфическая форма постижения реальности, скорее всего, вообще не появилась бы.

Может быть, не стоило бы останавливать внимание на этой публикации, если бы она не выражала некоторые тенденции современных научных представлений и не таила бы в себе ряд важных

¹ Низовцев В.В., Любитов Ю.Н., Мурзин В.С. О судьбе философии и науки // НГ-Наука: Ежемесячное приложение к «Независимой газете» – М., 1999. – № 7, Июль.

² Там же.

проблем, связанных со спецификой философского знания. Эксперимент сам по себе, вне теории, не вполне ясная вещь. В мифологическом мышлении пространство и время никогда не рассматриваются как чистые и пустые формы. Наука без предварительных философских установок непродуктивна и во многом невозможна. Опытные знания накапливались в древних культурах, в том числе и восточных. Но наука как феномен возникла лишь в строго определенной точке культурного поля. Именно там, где обнаружили неисчерпаемый потенциал абстракции, универсальное (философское мировоззрение).

Прежде чем приступить к опытной экспертизе, древние греки должны были вооружиться некоей догадкой. Не так ли в голове Демокрита появилась идея о том, что, вероятно, все многообразные предметы окружающего мира состоят из мельчайших неделимых частиц? Эта интуиция как раз и дала исток химии и физике. Поиск «кирпичиков» мироздания и открыл возможности для разносторонних экспериментов.

Прежде чем древние эллины приступили к различным экспериментам, потребовалась огромная сила умозрения, чтобы Вселенная оказалась схваченной единым взглядом, чтобы родилось теоретическое представление о времени и пространстве, на котором зиждется физика. «Науки в Египте практически не существовали, математика пребывала в зачатке, — пишет К. Уилсон. — Как и китайцы, египтяне предпочитали древности ради древности, поэтому их медицина была смесью современных наблюдений и замшелых снадобий, почерпнутых из старых книг. Религия страдала той же непоследовательностью, вызванной нежеланием порвать с прошлым»¹. Прежде чем развернулась работа по массовым экспериментам, древние эллины должны были выработать абстрактные представления о пространстве и времени.

Пространство и время — структуры, в которые вмещается вся реальность. Вне условий пространства и времени мы не можем познать ни один реальный предмет. Ничто в мире, согласно Гераклиту, не может превысить своей меры, а мера эта — пространственные и временны́е ограничения. Описывать и анализировать специфические черты, которые приобретают пространство и время в

¹ Уилсон К. Оккультное. — М.: Республика: Терра-Книжный клуб, 2001. — С. 148.

человеческом опыте, – такова одна из самых благодарных и важных задач антропологической философии, отмечает Э. Кассирер¹.

Наивно и безосновательно считать явления пространства и времени необходимыми и тождественными для всех живых существ. «Низшим организмам, очевидно, мы не можем приписать тот же род пространственных восприятий, что и человеку. И даже между человеческим миром и миром высших антропоидов остается в этом отношении явное и неустранимое различие»². Кассирер считал, что первой и важнейшей заслугой греческой мысли было то, что она открыла существование абстрактного пространства. Обыкновенные люди могут осмысливать пространство, время и движение лишь на основании отнесенности этих понятий к воспринимаемым объектам. О каком же эксперименте можно вести речь, если примитивное мышление не способно не только осмыслить систему пространства, но даже понять его схему. Конкретное пространство примитивного мышления не может быть приведено в схематическую форму.

Этнография показала, отмечает Кассирер, что первобытные племена наделены чрезвычайно острым восприятием пространства. Туземец способен видеть мельчайшие детали своего окружения. Он чрезвычайно чувствителен к любому изменению в состоянии обычных объектов среды. Даже в самых трудных условиях он способен найти верную дорогу. С чрезвычайной точностью следует он за всеми поворотами реки, когда гребет или идет под парусом вниз или вверх по течению. Однако при ближайшем рассмотрении, показывает Кассирер, мы с удивлением замечаем, что вопреки этой способности у него обнаруживается странный недостаток, касающийся понимания пространства. Если попросить его дать общее описание, начертить карту реки со всеми ее поворотами, то он не сможет этого сделать и даже не поймет вопроса.

Те же этапы развития, отмечает Э. Кассирер, мы обнаруживаем, когда переходим от проблемы пространства к проблеме времени. Здесь, правда, обнаруживаются не только совершенно точные аналогии, но также и характерные различия в развитии того или другого понятия. Согласно Канту, пространство есть форма «нашего внешнего опыта», а время – «форма внутреннего опыта». При истолковании своего внутреннего опыта человек сталкивается

¹ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Юристъ, 1998. – 784 с.

² Там же. – С. 490.

с новыми проблемами. Здесь он не может использовать те же методы, что при первых попытках организовать и систематизировать свои знания о физическом мире. У того и другого вопроса налицо, однако, общая основа. Ведь даже время осмысливается, прежде всего, не как специфическая форма человеческой жизни, а как общее условие органической жизни вообще.

Органическая жизнь существует, лишь развертываясь во времени. Это не вещь, а процесс – нескончаемый, непрерывный поток событий. И в этом потоке ничто не повторяется в той же самой форме. К органической жизни хорошо приложимы слова Гераклита: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Организм никогда не локализован в единственном мгновении. В его жизни все три времени – настоящее, прошедшее и будущее – создают некое целое, которое нельзя расщепить на отдельные элементы.

Таким образом, античная философия вряд ли преуспела бы на путях эксперимента и развития физики, если бы она не отдала должной дани философии. Целевое систематическое экспериментирование для Античности не было характерно. Попытки проведения эксперимента обнаруживаются у Архимеда при определении плотности, площадей поверхностей и объемов тел (мысленного). Птолемей экспериментально определил индекс преломления воздуха по отношению к воде и воды по отношению к стеклу, причем определил с высокой степенью точности без применения математической формулировки.

Все это вовсе не означает, что у древних греков, как отмечают авторы статьи в «НГ-науке»¹, была ложная методологическая установка – философия впереди физики. Напомним ученым мужам, что она же, по определению учеников Аристотеля, это как раз то, что после физики. Античная философия дала человечеству не просто ряд «гениальных догадок». Она нарисовала общий план мироздания, наметила пути его постижения, разработала общие и частные категории, которые позволили науке сделать колоссальный рывок в познании универсума.

¹ Низовцев В.В., Любитов Ю.Н., Мурзин В.С. О судьбе философии и науки // НГ-Наука: Ежемесячное приложение к «Независимой газете» – М., 1999. – № 7, Июль.

Культурология

Еще сохранилась память о том времени, когда чиновники предложили исключить культурологию из образовательного стандарта. Культурология стала развиваться в нашей стране в 60-х годах прошлого века. Появились научные центры и кафедры, были выпущены первые работы по культурологии. Однако само название дисциплины долгое время было неприемлемым по идеологическим соображениям. Первым специалистам по теории культуры приходилось с трудом добывать эмпирические сведения, «вводить в обиход» имена крупных исследователей.

Культура – это выявление смысла мира в общности людей, в их практике и в идеалах, разделяемых ими. Культурология в нашей стране развивается стремительно. Выпущены уже сотни трудов, хрестоматий, антологий. Изучение культурологии как самостоятельной дисциплины узаконено теперь в отечественном образовании. Одновременно изучение культуры развивается в рамках антропологии и этнографии.

Именно поэтому статус культурологии в современном образовании весьма значителен. Культурология представлена сегодня системой научных и образовательных организаций – отраслевыми научно-исследовательскими институтами Министерства культуры, отделами и секторами в составе многих академических и отраслевых НИИ, рядом специальных культурологических учебных заведений, несколькими сотнями культурологических кафедр, созданных фактически во всех вузах страны как гуманитарного, так и технического профиля. Культурология знакомит людей с духовным богатством разных культур, всего человечества. За время своего существования культурология как учебная дисциплина добилась немалых успехов. По всей стране развернулись культурологические исследования, которые превратились в значительный фактор гуманитарного знания. Достаточно сказать, что в нашей стране сложились культурологические школы. Назовем хотя бы некоторые имена – В.С. Библер, А.Л. Доброхотов, Г.С. Кнабе, Е.М. Мелетинский.

Социальные нововведения обычно начинаются с преобразования ценностей. Возьмем, к примеру, процесс модернизации в странах Востока. С чего начиналось здесь преобразование жизни? Разумеется, с постепенного изменения ценностных ориентаций. Как только культурологи фиксировали перемены в духовной жизни лю-

дей, так возникала почва для перестройки социальных процессов. Нельзя объяснить динамику общества без глубокого погружения в образ жизни, систему мышления, культурного осознания.

Культурология сама оказалась комплексной интегративной дисциплиной. Она включила в себя комплекс знаний, накопленных внутри философии культуры, социологии культуры. Выделив культуру как специфический класс явлений, наделенных символическим значением и присущих только человеческому обществу, Уайт выявил принципиально важную черту антропологии как науки о человеке. Он дополнил свое определение примечательной констатацией: человек – это мир его культуры. В самом деле, нельзя говорить о культуре без выявления ее генезиса (происхождения), без анализа символической природы культуры и ее воздействия на историю, без выявления специфики различных культур.

Культурология – сравнительно новая гуманитарная дисциплина. Как самостоятельная наука она оформилась в начале XX столетия. В западной литературе проблематика культуры рассматривается, как правило, в философии культуры, в культурной антропологии. Эти дисциплины позволяют обновить методологию в области истории, этнографии, истории культуры.

Интерес к культуре в наши дни определяется многими обстоятельствами. Современная цивилизация стремительно преобразует окружающую среду, социальные институты, бытовой уклад. В связи с этим культура оценивается как фактор творческого жизнеустройства, неиссякаемый источник общественных нововведений. Отсюда стремление выявить потенциал культуры, ее внутренние резервы, отыскать возможности ее активизации. Рассматривая культуру как средство человеческой самореализации, можно выявить новые неистощимые импульсы, способные оказывать воздействие на исторический процесс, на самого человека.

Вот почему в современном знании выявился особый интерес к культуре как к фактору социального развития. Некоторые исследователи приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Многие теоретики связывают судьбы мира с философским постижением культуры в целом или культуры отдельного народа в частности.

В истории человечества можно выделить эпохи, когда развитие было медленным, еле ощутимым. В Древнем Китае традиции

регулировали весь образ жизни. Любой поступок был ритуально обусловлен.

Время, казалось, остановилось и в Древнем Египте, поколение за поколением вели сходную жизнь. А вот во Франции XIX в. революции следуют одна за другой, на человека обрушивается каскад перемен.

По мнению многих исследователей, в прошлом веке произошел разрыв социального и культурного циклов. Иначе говоря, в один и тот же социальный период происходила смена культур. Это, по существу, одна из исторических закономерностей нашего времени. Темпы культурных перемен стали более быстрыми. В прошлом социальный цикл был гораздо короче культурного. Человек, появившись на свет, заставлял определенную структуру культурных ценностей. Она не менялась в течение многих столетий, регулируя жизнь ряда поколений.

Теперь же на протяжении одной жизни может чередоваться несколько культурных эпох. Человек, рожденный в яранге, способен поступить в вуз и обрести совсем другой культурный статус. Он же может вернуться в родное селение и привнести в его жизнь элементы еще не знакомой культуры.

Сместились все представления, к которым мы уже привыкли. Соседка рассказывала, что в этом году мальчик не пойдет в школу – нет денег на школьную форму и учебники. Подземный переход оглушает вас звуками аккордеона. Вы замедляете шаг. Несколько месяцев назад вы видели этого музыканта на сцене филармонии.

Катастрофически быстро рушится привычный уклад жизни, уходит в прошлое то, что еще недавно составляло смысл нашего бытия. Меняются ориентации, низвергаются святыни. Рвутся нити, связывающие нас с близкими людьми... Человек остается одиноким перед надвигающейся опасностью.

Исследователи нередко ставят вопрос: существует ли особая наука под названием «культурология»? Кто конкретно представлял ее в истории мысли?¹ Иногда трудно догадаться, чего хотят авторы этих вопросов: доказать, что никакой культурологии как области гуманитарного знания пока нет, и не нужны определенные усилия, чтобы она сложилась; или, наоборот, поставить под со-

¹ См.: Культурология как наука: За и против: Круглый стол. Москва, 13 февр. 2008 г. – СПб.: СПбГУП, 2009. – С. 9.

мнение весьма солидную традицию, в рамках которой накоплено столько открытий, ценнейших наблюдений, глубоких прозрений. Огорчает иное: постоянно навязывая эту тему научному сообществу, авторы этих вопросов уведут исследовательскую мысль в сторону от других, вполне реальных культурологических проблем.

Идея культурологии как самостоятельной гуманитарной дисциплины обозначилась еще в начале прошлого века. Немецкий философ В. Оствальд пришел к убеждению, что культура как феномен может изучаться в рамках отдельной науки¹. Под культурой он понимал совокупность факторов, обеспечивающих социальный прогресс человечества. Оствальд не только выделил науку о культуре, но и попытался определить круг проблем, которые могли бы войти в ее компетенцию.

Через четверть века американский исследователь Лесли Элвин Уайт разработал новую концепцию культуры, подверг переосмыслению представление об эволюции культуры и ее ценности для анализа культуры, предложил название для новой дисциплины – культурологии². Кто конкретно занимался культурологией – этот вопрос, пожалуй, предельно ясен. Значительная армия антропологов, этнографов, историков обратилась к изучению феномена культуры. Но можно ли их называть культурологами?

Спорят: сам термин имеет право на существование, но что он реально обозначает – одну науку или комплекс разных наук о культуре? Может быть, это суммарное выражение самых разных областей научного знания о культуре?

Термин «культура» в его современном значении возник сравнительно недавно, всего два-три столетия назад. Древние греки противопоставляли собственную «воспитанность» варварству. Вместе с тем они осознавали, что человек живет не просто в физической, но и в символической вселенной. Это символический мир мифологии, языка, искусства, который сплетается вокруг человека в прочную сеть. Культура – специфика человеческой деятельности, то, что характеризует человека как вид. Поиски человека до

¹ Оствальд В. Энергетические основы науки о культуре. – СПб.: Образование, 1909. – 236 с.

² Уайт Л.Э. Избранное: Эволюция культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1064 с. – (Серия «Культурология. XX век»).

культуры не имеют смысла, появление его на арене истории можно рассматривать как феномен культуры.

Почему культурология столь актуальна сегодня? Дело не только в том, что в ее русле накоплены интересные факты и открытия. И даже не в том, что она изучает культуру – этот чрезвычайно разноликий и предельно значимый для человечества феномен. К культуре проявляют интерес философия, социология, этнология, этнография, история, семиотика, различные варианты антропологии. Еще недавно наши общественные науки, пытаясь раскрыть содержание социальных процессов, динамики истории, вообще обходились без рассмотрения культурных явлений. Они толковали об экономике, политике, общественном сознании. Однако многие скрытые аспекты жизни общества ускользали от их внимания. В результате важнейшие тенденции, относящиеся к жизни человечества, не принимались в расчет, и предвидение будущего оказывалось вообще невозможным.

Постепенно в гуманитарное сознание входила идея, согласно которой вообще все общественные процессы начинаются с преобразования культуры. Культура захватывает широкий круг жизни человека: традиции, ценности, быт, стиль поведения. Допустим, официальная сторона того или иного социума кажется практически неизменной. Но в это время незримо происходят изменения в том, что люди считают святынями для себя, как они благоустраивают быт, как выстраивают образ жизни. Именно эти феномены оказывают решающее воздействие на культуру, цивилизационное устройство, социальную ситуацию в целом.

Социология

В XIX в. родилась особая наука – социология. Она изучает формы совместной жизни людей и изменения этих форм. Ее представители проявили обостренный интерес к общим и специфическим закономерностям развития общества. В отличие от философов, которые опирались на силы собственного ума и фантазии и пытались скорее догадаться, ухватить путем интуиции и ума общую картину возникновения и становления общества, социологи старались более детально изучать конкретные коллективы, социальные организации. Разумеется, они опирались и на возможности

интеллекта. Однако социология в своих выводах исходит из фактов, наблюдений, реальных обобщений.

Несколько лет назад я готовил к изданию книгу Н.А. Бердяева «Философия неравенства». Меня тогда поразила мысль философа: «Жизнь общества – это тайна». Хотелось сразу оспорить этот вывод. Да, мы мало знаем о том, как родился мир. Да, для нас загадка – феномен человека. Это, разумеется, тайна. Но можно ли сказать такое об обществе? Во-первых, человечество накопило огромное множество социальных теорий. Во-вторых, ведь мы пытаемся сегодня сознательно и целеустремленно строить новое общество. Социологи каждодневно собирают неисчерпаемый конкретный материал. Неужели общество – это тайна?

Сейчас я вполне согласен с Н.А. Бердяевым. Понять механизмы общества, внутреннее его устройство, динамику социальной жизни, ее суть мы пока не можем. Нам не понятно, отчего радикальные программы, просчитанные до каждого параграфа, вызывают эффект бумеранга. Почему социальный маятник постоянно бросает нас от реформ к консерватизму? Мы осознаем, что общество – это некая целостность. Однако стремимся тащить социум из пропасти, ухватив за собственные волосы. Мы недоумеваем, что приводит к неожиданному и обвальному сдвигу в жизненных и практических установках людей. Хотелось бы также понять, отчего политическая психология фактически имеет дело с патопсихологией? Почему «эстетика безобразного» оказывается привлекательной в образе политического лидера? Мы третируем обыденное сознание, но вдруг обнаруживаем в нем здоровую трезвость, начисто опрокидывающую развернутые идеологические программы манипуляторов.

Опасна гордыня точного знания, которое может будто бы указать, как выглядит общество на конкретной точке своего развития и куда оно может эволюционировать. Немецкий социолог Макс Вебер не случайно писал о том, что «дикарь» знает неизмеримо больше об экономических и социальных условиях своего существования, чем «цивилизованный» человек в обычном смысле слова. Социологи не располагают сегодня универсальной социальной теорией. Жизнь общества во многом является для нас тайной.

Но что мы должны знать? Немецкий социолог К. Манхейм писал о том, что вовсе не обязательно регулировать все на свете.

Можно, скажем, направлять движение поездов. Но незачем предопределять разговоры в купе...

Остается огромная зона свободы, стихийности. Не менее тревожна и другая тенденция – знать об обществе совсем немного, да и то в основном о разговорах в купе. Между тем социология в наши дни может решать разносторонние задачи.

Джон Сол показал в своей книге¹, что, более того, непрерывная и настойчивая сосредоточенность на рациональности, зародившаяся в XVII в., дала неожиданный результат. Постепенно разум начал дистанцироваться и отделять себя от других, так или иначе признанных, характеристик человека: духа, инстинктивных потребностей, веры и эмоций, а также интуиции и, самое главное, опыта. Это постоянное выдвигание разума на первый план продолжается и в наши дни. И оно уже достигло такой степени дисбаланса, что мифическая важность разума затмила все другие категории и едва ли не поставила под сомнение их значимость.

Практическим следствием такого затянувшегося гипноза стало превращение последних пятисот лет в Век Разума. Мы привычно подразделяем этот век на следующие периоды: Просвещение, романтизм, неоклассицизм, неореализм, символизм, эстетизм, нигилизм, модернизм и так далее. Но разница между этими периодами, как и разница между школой Бэкона и школой Декарта, математически доказывающего правильность своих выводов, постепенно переходит в эмпирический, механистический подход Локка, который, в свою очередь, перетекает в детерминизм Маркса.

Достижение власти стало мерилом социальной добродетели. Знание, разумеется, было вынуждено стать гарантом моральной силы разума. Знание – это непобедимое оружие в руках индивида; оружие, могущее гарантировать, что общество построено на разумной и продуманной основе. Но в мире, который зависит от силы, исходящей от структур, объективная оценка силы не могла сохраниться и быстро трансформировалась в приверженность к контролю со стороны разума. Старую классовую цивилизацию заменила цивилизация кастовая – до крайней степени изощренная версия корпоративизма. Знание превратилось в валюту власти и остается таковой и поныне. Эта цивилизация засекреченных экс-

¹ Сол Д.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 895 с.

пертов вполне естественно одержима не поиском понимания проблем, а подготовкой ответов на вопросы.

История

Столетие назад в исторической науке господствовал позитивизм. Его приверженцы были убеждены в том, что фрагменты исторической истины легко угадываются в конкретных источниках, в описанных фактах протекшей жизни. Но разве это не единственный путь к воссозданию летописи событий? Позитивисты не признавали иного пути, полагая, что сначала нужно набрать как можно больше фактов, освоить по возможности разные источники и лишь потом искать причинно-следственные связи, за которыми, без сомнения, скрываются законы исторического развития.

Опыт истории многоярусен. Исследователь может основательно проследить летопись событий, имеющих, скажем, отношение к политической стороне жизни. Но при этом окажется равнодушным к тому, что мы называем повседневностью, размеренной житейской практикой, прозой жизни. Ученый может углубиться в социальные подробности человеческого бытия. И при этом упустить из виду ту историческую правду, которая запечатлена в поэзии камня, потоке музыки, сочетании красок. Масса исторических фактов не всегда превращается в картину. Но иной фрагмент культуры раскрывает тайну истории в большей степени, чем скрупулезное коллекционирование фактов и событий. Освещение факта требует озаренности, интуиции и концептуальной щедрости.

Сейчас власть в России озабочена созданием унифицированного учебника по истории. Не вдаваясь в долгие рассуждения по этому поводу, можно отметить, что эта область гуманитарного знания также находится на пересечении многих споров.

Есть в России историки, которые полагают, что принятие православия на Руси – факт далеко не безобидный и не отрадный. Авторы считают, что русская история началась с приходом православия, с идеологии самого христианства. Между тем, мол, православие отрицает русскую историю, а вместе с ней не одну тысячу лет существования русского народа. Стремление включить в исторический обиход языческие традиции может быть предметом особой озабоченности отдельных исследователей. Но

тогда получается, что это еще один продукт идеологического производства. Воскрешение утраченных событий истории, культ традиции – благое дело. Но почему оно должно реализовываться за счет критики православия и принижения его роли в истории русского народа? Известно, что принятие христианства превратило в одночасье Русь в наследницу величайших мировых культур, расширив ее культурно-историческое время на тысячелетие. «Переведенные на церковнославянский “Слова святого Иоанна Златоуста” воспринимались как неотъемлемый факт собственной культуры. Без него и всего компендиума святоотеческого наследия не было бы на Руси митрополита Илариона, Кирилла Туровского, всей богатейшей древнерусской книжности, из которой до нас дошли сущие крупницы. Или взять так называемое второе южнославянское влияние, отразившееся в личности святого Сергия Радонежского, творчестве Андрея Рублёва и русской победе на Куликовом поле»¹.

Однако трудно оспорить тот факт, что после христианизации Руси в эпоху раннего Средневековья международные связи древнерусской культуры расширились. Под влиянием кирилло-мефодиевской традиции сложилась развитая метасистема духовной культуры, охватившая южных и восточных славян на основе одной православной культуры, одной письменности, одной книжности и общих традиций. Древнерусская мудрость выступает в этот период как составная часть философской мысли всех православных славянских народов.

Главные сферы современного человеческого знания так перемешаны, что они составляют единое целое и не являются автономными территориями, управляемыми властями.

¹ Рудалев А. Симфонические личности и бездумные штампы // Литературная газета. – М., 2013. – № 25–26.